1944.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи г. Вишневскаго: *Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII вѣка (рукопись).*

Сочиненіе г. Вишневскаго разсматривалось мною уже два раза: сначала въ качествѣ кандидатской диссертаціи, а затѣмъ, какъ представленное на соисканіе степени магистра богословія. Въ обѣихъ рецензіяхъ отмѣчены были мною достоинства сочиненія, состоящія въ томъ, что авторъ просмотрѣлъ довольно много рукописнаго матеріала, преимущественно въ кіевскихъ архивахъ и библіотекахъ, и на основаніи его восполнилъ существующія свѣдѣнія объ изучаемомъ имъ періодѣ въ исторіи Кіевской Академіи. Оцѣниваемое съ этой стороны, изслѣдованіе автора признано было мною трудомъ полезнымъ, представляющимъ собою въ нѣкоторыхъ частяхъ дальнѣйшую поступательную разработку трактуемаго предмета. Но указаны были мною въ этомъ трудѣ и недостатки, которые Совѣтъ Академіи призналъ таковыми, что не нашелъ возможнымъ удостоить автора искомой степени и возвратилъ ему сочиненіе для просмотра и исправленія.

Исполняя порученіе Совѣта Академіи—дать отзывъ о сочиненіи г. Вишневскаго въ третій разъ, какъ о сочиненіи срав-

нительно съ предшествовавшею его редакціею *дополненною и исправленною*,—я естественно долженъ обратить преимущественное вниманіе на то, въ чемъ состоятъ эти дополненія и исправленія и настолько ли они существенны, что ими сглаживаются или, по крайней мѣрѣ, ослабляются указанные въ предшествующей моей рецензіи недостатки въ трудѣ нашего автора.

Сочиненіе г. Вишневскаго первоначально (въ прежней своей редакціи) имѣло слѣдующее заглавіе: „*Исторія* Кіевской Академіи за первую половину XVIII столѣтія". Такъ какъ работа автора касалась только нѣкоторыхъ сторонъ академической жизни и притомъ даже въ намѣченныхъ имъ рамкахъ отличалась краткостію, въ большинствѣ случаевъ, доходившею до конспективности (напр., представляла почти одинъ голый перечень должностныхъ лицъ Академіи, свѣдѣнія объ учебникахъ почти всегда инвентарныя и. т. п.),—то я въ прежней своей рецензіи, отмѣчая дефекты въ сочиненіи г. Вишневскаго, первѣе всего указалъ на несоотвѣтствіе его содержанія съ даннымъ ему заглавіемъ, причемъ выразилъ пожеланіе, чтобы, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые отдѣлы сочиненія были расширены, въ особенности сдѣлано было болѣе тщательное обозрѣніе первенствующихъ источниковъ, которыми пользовался авторъ (учебниковъ).

Г. Вишневскій не могъ не сознать справедливости моего замѣчанія и рѣшился устранить его, но устранить способомъ самымъ упрощеннымъ: именно, онъ перемѣнилъ заглавіе сочиненія, поставивъ на обложкѣ вмѣсто прежняго—„*Исторія* Кіевской Академіи за первую половину XVIII столѣтія", новое—„*Кіевская Академія* въ первой половинѣ XVIII столѣтія". Авторъ, очевидно, полагаетъ, что послѣ такого измѣненія въ заглавіи сочиненія означенное мое замѣчаніе потеряетъ свою силу. Но такое мнѣніе ошибочно: новое заглавіе, данное

авторомъ своему труду, не менѣе широко, чѣмъ и прежнее. Авторъ, держась своей, такъ сказать, дипломатической точки зрѣнія, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, поступилъ бы соотвѣтственнѣе съ сущностію дѣла, озаглавивши свой трудъ: „*Изъ исторіи Кіевской Академіи* за такое-то время" или еще лучше: „Къ исторіи Кіевской Академіи..." et caet.

Давъ новое заглавіе своему сочиненію съ указанною цѣлію, авторъ счелъ излишнимъ заняться существенною переработкою своего труда и ограничился только частичными исправленіями и дополненіями нѣкоторыхъ мѣстъ въ оном. Онъ даже вновь не перебѣлилъ своей рукописи: нѣкоторыя исправленія и дополненія сдѣлалъ на поляхъ ея или между строкъ, а гдѣ это представлялось неудобнымъ, вырѣзывалъ изъ рукописи листы и замѣнялъ ихъ новыми, расширяя или переиначивая прежній текстъ. Вслѣдствіе такихъ вставокъ рукопись въ объемѣ увеличилась: вмѣсто прежнихъ 164 страницъ, in fol., (съ приложеніями), въ ней теперь оказывается 187 страницъ.

Въ чемъ состоятъ эти частичныя исправленія и дополненія, привнесенныя г. Вишневскимъ въ новую редакцію его труда?

Болѣе всего авторомъ восполнено, можно сказать, почти совершенно переработано *введеніе* къ сочиненію. Вмѣсто 6—7 страницъ оно заключаетъ теперь ихъ 17. Значительное, сравнительно съ прежнимъ, увеличеніе объема этой, вступительной къ изслѣдованію, части объясняется, во первыхъ, тѣмъ, что авторъ расширилъ предварительныя свѣдѣнія о характерѣ своей работы, съ особенною яркостію оттѣнивъ, что онъ „постарался извлечь все, что только было пригодно для его задачи, по возможности, изъ всѣхъ доступныхъ ему (и почти исключительно рукописныхъ) источниковъ, коими не пользовались прежніе изслѣдователи",—а во вторыхъ, тѣмъ, что привнесъ во введеніе довольно длинныя и примѣрами иллюстрированныя разсужденія о научныхъ пріемахъ, какимъ онъ слѣдовалъ при обработкѣ матеріала. Все это дѣлается авторомъ какъ бы съ цѣлію *самозащиты*, къ которой онъ счелъ

умѣстнымъ прибѣгнуть въ виду указанныхъ мною,—и въ прежнемъ отзывѣ и лично автору,—дефектовъ и несовершенствъ въ его трудѣ.

Такъ какъ эта самозащита автора тѣсно связана съ нѣкоторыми существенными недостатками въ его сочиненіи, неослабленными или мало ослабленными и въ послѣдней редакціи онаго,—то я считаю необходимымъ войти по этому поводу въ подробности.

Замѣчанія, сдѣланныя мною автору (тѣ, которыя онъ имѣлъ въ виду при своей самозащитѣ), касались, если можно такъ выразиться, *матеріальной* и, въ особенности, *формальной* сторонъ сочиненія.

Начну съ первой. Такъ какъ авторъ сѣтовалъ (какъ и теперь сѣтуетъ) на крайнюю скудость документальныхъ данныхъ, имѣющихъ отношеніе къ предмету его изслѣдованія,—скудость, препятствующую, по его словамъ, „возстановить историческую жизнь Академіи за первую половину XVIII столѣтія“ съ извѣстною полнотою,—то я указалъ ему, между прочимъ, на московскіе архивы, гдѣ онъ эту скудость въ значительной степени могъ бы восполнить. Я даже въ видахъ облегченія автору архивныхъ разысканій изъявилъ готовность указать ему (по своимъ замѣткамъ) тѣ №№ рукописей, въ которыхъ онъ могъ найти нужныя для него свѣдѣнія. Совѣтовалъ также автору тщательнѣе, чѣмъ имъ это сдѣлано, просмотрѣть источники и пособія печатные, имѣющіе то или иное отношеніе къ предмету его изслѣдованія.

Авторъ отчасти послѣдовалъ моему совѣту. Былъ въ Москвѣ и поработалъ въ одномъ изъ находящихся здѣсь архивовъ, именно Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; но во введеніи къ своему сочиненію даетъ понять, что его поѣздка была почти напрасна, такъ какъ онъ „нашелъ въ означенномъ архивѣ всего лишь *три—четыре* указанія, неизвѣстныя по другимъ источникамъ, *и то малой важности*“. Въ словахъ автора слышится какъ бы нѣкій упрекъ, что я направилъ его

при поискахъ за матеріаломъ не на надлежащую дорогу. Такого упрека я не заслуживаю, ибо если бы авторъ пожелалъ воспользоваться означенною моею любезностію (къ чему онъ не прибѣгнулъ), то поиски его даже и въ одномъ архивѣ (томъ, въ которомъ онъ работалъ) не были бы столь безрезультатны.

Приведу примѣръ. О Гедеонѣ Одорскомъ, занимавшемъ должность ректора Кіевской Академіи въ началѣ XVIII столѣтія, въ литературѣ свѣдѣнія имѣются чрезвычайно скудныя: можно сказать, не имѣется почти никакихъ свѣдѣній. Ничего новаго не найдено о немъ и г. Вишневскимъ. Между тѣмъ въ Малороссійскихъ дѣлахъ, хранящихся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ,—именно въ связкѣ 82, дѣлѣ № 12, въ связкѣ 85, дѣлѣ № 64, и нѣкоторыхъ другихъ *какое находится обилiе* біографическихъ свѣдѣній объ означенномъ лицѣ!.. Изъ этихъ дѣлъ, а также шести подлинныхъ челобитныхъ Одорскаго, тамъ же находящихся, мы узнаемъ, что онъ былъ сыномъ очень богатаго бѣлорусскаго шляхтича (впослѣдствіи перешедшаго на службу къ московскому государю); обучался въ латинскихъ школахъ и здѣсь, „желая достигнуть вышнихъ наукъ философіи и ѳеологіи (въ Ольмюнцѣ), воспріялъ чинъ иноческій и степень священничества отъ уніатовъ“; во время пребыванія своего въ уніи, въ теченіе 16 лѣтъ, получилъ было настоятельство въ Онуфріевской обители, уступленной ему уніатскимъ епископомъ Митрофаномъ Друцкимъ-Соколинскимъ, но когда отправился къ королю, лично его знавшему, за подтвержденіемъ этой уступки, исхлопоталъ у него привиллегію и на епископію Бѣлорусскую (и Черниговскую). Узнаемъ, почему Одорскому не удалось посвятиться во епископы ни въ Стрыѣ, куда король направлялъ его къ Сучавскому митрополиту (въ то время здѣсь находившемуся), ни въ Кіевѣ отъ митрополита Гедеона Четвертинскаго, несмотря на то, что онъ здѣсь отрекся отъ уніи и возвратился въ лоно православія. Узнаемъ о непріятностяхъ, испытанныхъ Одорскимъ въ Кіевѣ (онъ заключенъ былъ въ Кіево-Печерской лаврѣ подъ стражу, терпѣлъ здѣсь и го-

лодъ и холодъ); о сношеніяхъ, по поводу его пребыванія въ Кіевѣ, здѣшнихъ властей съ московскимъ правительствомъ; о рѣшеніи послѣдняго отпустить Одорскаго во свояси съ обѣщаніемъ даже не препятствовать его посвященію во епископы, если онъ пребудетъ твердымъ въ православіи и представитъ законный актъ избранія на Бѣлорусскую каѳедру отъ представителей православнаго бѣлорусскаго народонаселенія; о нежеланіи Одорскаго воспользоваться такимъ предложеніемъ и о побужденіяхъ къ сему; о пребываніи его въ лаврѣ въ должности проповѣдника; объ его хлопотахъ относительно полученія отцовскаго наслѣдства, объ устройствѣ сестеръ и т. п.; о поѣздкѣ въ Москву, пребываніи здѣсь въ теченіе четырехъ лѣтъ, постепенномъ снисканіи расположенія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ (дѣлалъ неоднократныя подношенія государямъ: такъ, первоначально, чрезъ боярина Бориса Алексѣевича поднесъ имъ „икону Богородичну съ царскими лицами, подъ названіемъ: Діадима царей благочестивыхъ“, присоединивъ къ сей иконѣ, очевидно, внизу ея „стихи на славу государей“; затѣмъ преподнесъ спеціально для сей цѣли заказанную гравюру, изображающую „видимый міръ въ сферѣ небесной“; заказалъ вырѣзать на мѣдныхъ доскахъ изображеніе „Богоданной Азовской побѣды“); узнаемъ о побужденіяхъ Одорскаго оставить Москву, переселеніи отсюда опять въ Кіевъ и т. п. Всѣ эти свѣдѣнія, изложенныя болѣе чѣмъ на сотнѣ столбцевъ (не считая отдѣльныхъ документовъ), изобилуютъ весьма интересными подробностями, притомъ имѣющими прямое отношеніе къ личности Одорскаго. Эти подробности простираются иногда до того, что приводится, напримѣръ, въ полномъ видѣ рѣчь Одорскаго, сказанная имъ предъ польскимъ королемъ,—приводится въ переводѣ съ печатнаго изданія ея на польскомъ языкѣ, вышедшаго въ свѣтъ 31 октября 1689 года, въ Злочевѣ, и въ настоящее время библіографамъ неизвѣстнаго.

Нечего и говорить, какъ драгоцѣнны такія и имъ однородныя свѣдѣнія для историка Кіевской Академіи. Возможность

нахожденія въ архивахъ и книгохранилищахъ подобныхъ свѣдѣній даетъ основаніе надѣяться, что составленіе и достаточно полной исторіи нашей Almae Matris (между прочимъ и за первую половину XVIII в.) не есть уже такое безнадежное дѣло, какимъ съ непоколебимою увѣренностію считаетъ его нашъ авторъ.

Но разработка архивнаго матеріала дѣло нелегкое. Авторъ же на этомъ поприщѣ потрудился все-таки достаточно и предъявлять къ нему болѣе широкія требованія въ этомъ отношеніи, можетъ быть, было бы слишкомъ притязательно. Гораздо бо́льшую отвѣтственность всякій изслѣдователь долженъ нести за упущеніе изъ вида источниковъ и пособій уже напечатанныхъ, въ особенности если кругъ ихъ (какъ это имѣетъ мѣсто въ примѣненіи къ разсматриваемому изслѣдованію) довольно ограниченъ. Остается по прежнему нашъ авторъ небезупреченъ и въ этомъ отношеніи, что и было причиною ошибочности нѣкоторыхъ его утвержденій. Такъ, напр., не найдя новыхъ документовъ о времени окончанія ректуры упомянутаго нами Гедеона Одорскаго, г. Вишневскій, слѣдуя Аскоченскому, простираетъ оную до начала 1705 года, къ которому затѣмъ и пріурочиваетъ избраніе новаго ректора Иннокентія Поповскаго. Между тѣмъ, болѣе внимательный просмотръ гравюръ, находящихся въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской Духовной Академіи, показалъ бы автору ошибочность принятаго имъ по данному вопросу мнѣнія, ибо между означенными гравюрами находится, притомъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, гравюра, преподнесенная архидіакономъ кіевской митрополіи Иларіономъ Микгурою (Мигурою): Jasnie w Bogu Przewielebnemu Jego Mści Gedeonowi Odorskiemu z Bożey łaski Prawoslawnemu Archymandrycie Baturynskiemu Swiato-Nikolskiemu Krupickiemu, Panu, Patronowi y osobliwemu Dobrodzieiowi przy solemnym na Honorarium ingressie z Domu s-tey Sophiey, pierwszey stolicie Metropolitanskiey Kijowskiey, et caet. Какъ видно изъ дальнѣйшаго

текста подъ гравюрою, а также изображеній на ней (здѣсь, между прочимъ, святитель въ полномъ облаченіи держитъ въ рукахъ, какъ бы преподнося, митру съ надписью около нея: „вѣнецъ доброты отъ рукы Господня"), эта гравюра-панегирикъ вызвана была предстоявшимъ торжествомъ возведенія въ званіе батурлинскаго архимандрита Гедеона Одорскаго, бывшаго предъ тѣмъ ректоромъ Академіи. Такъ какъ гравюра эта имѣетъ опредѣленную дату, именно помѣчена 1-мъ мая 1704 года, то, очевидно, *далѣе этого времени ректура Одорскаго не можетъ быть отодвигаема.*

Другой примѣръ. Авторъ утверждаетъ, что о ректорѣ *Прокопіи Колачинскомъ свѣдѣній никакихъ не сохранилось*, кромѣ одного извѣстія, что въ 1706 году онъ игуменствовалъ въ Кіево-Никольскомъ монастырѣ. Но автору остается неизвѣстнымъ письмо кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго къ Прокопію Колачинскому отъ 24 іюня 1695 года, помѣщенное въ польскомъ подлинникѣ и русскомъ переводѣ въ лѣтописи Самуила Величко (т. III, стран. 348 и слѣд.). Письмо это представляетъ немаловажный источникъ для характеристики личности Колачинскаго и значимости его, какъ научной силы. Въ особенности важенъ намекъ митрополита Колачинскому, дающій основаніе полагать, что послѣдній, подобно Одорскому, былъ нѣкоторое время уніатомъ и притомъ довольно ревностнымъ. „Совѣтывалъ бы я превелебности твоей, писалъ митрополитъ, *то оружіе, которое доселѣ направлено было противъ отечества*, справедливо и истинно обратить въ защиту его, и не скрывать столь высокой науки подъ спудомъ незначительныхъ днѣпровскихъ монастырей" и т. п. Упущеніе изъ вида г. Вишневскимъ этого письма митрополита В. Ясинскаго тѣмъ болѣе неизвинительно, что оно помѣщено не только въ лѣтописи Величко (первоисточникѣ), но цѣликомъ перепечатано въ трудѣ, знакомство съ которымъ для нашего автора нельзя не признать обязательнымъ. Я разумѣю весьма содержательную рецензію покойнаго И. И. Малышевскаго объ изслѣдованіи Н.

И. Петрова: *Кіевская Академія во второй половинѣ XVII столѣтія*, помѣщенную въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ за 1896 г. (протоколы).—Ознакомленіе съ означенною рецензіею было бы полезно для автора и въ другихъ отношеніяхъ. Имѣю въ виду преимущественно тотъ отдѣлъ въ рецензіи, гдѣ уясняется вопросъ: „*объ усвоеніи Кіево-Братской коллегіи названія Академіи*“,—относительно чего у г. Вишневскаго сужденія неустойчивыя; усматривается даже нѣчто и бо́льшее. Такъ авторъ, полагая, что „историки Академіи (слѣдуетъ ихъ перечень), по какому-то недоразумѣнію, видятъ переименованіе Кіевской коллегіи въ Академію въ грамотѣ императора Петра Великаго отъ 26 сентября 1701 года“, заявляетъ, что „*грамота эта собственно и не называетъ ее такимъ именемъ*“ (sic!). Послѣднее совсѣмъ уже несправедливо. Въ означенной грамотѣ 1701 года, въ рѣчи отъ имени царя, названіе Кіево-Братской коллегіи Академіею употребляется, и употребляется неоднократно, начиная съ ссылки на челобитную учителей и студентовъ коллегіи, послужившую, при ходатайствахъ кіевскаго митрополита Варлаама Ясинскаго и мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго, къ пожалованію коллегіи упомянутой грамоты. А именно въ грамотѣ говорится: „а учители и студенты били жъ челомъ, что *Окаделія* ихъ Киево-Могилянская, отъ прежняго своего основанія будущая равными привиліями, какъ обыкновенно инымъ окаделіямъ, во всѣхъ государствахъ иноземческихъ, право свободность имѣти подтвержено, нынѣ не свободна есть, но подъ игомъ тяжкой обиды, пребывающей отъ мѣщанъ киевскихъ, о чемъ покорственно оные учители и ученики ихъ, преосвященнаго Киевскаго митрополита просятъ, чтобы онъ своимъ челобитьемъ къ намъ, Великому Государю, ходатайствовалъ о освобожденіи отъ бесчинства и дерзости мѣщанъ киевскихъ, а какая случится вина судъ былъ бы во Академіи“. А ниже, утверждая за коллегіею права независимаго управленія и ввѣряя эти права игумену—ректору съ братіей, грамота выражается:

„а студентовъ *той Кіевской Академіи*, которые явятця кому въ чемъ винны, унимать, смирять“... и проч. Приведши изъ царской грамоты означенныя мѣста (на которыя нашъ авторъ и самъ по себѣ долженъ бы обратить надлежащее вниманіе), И. И. Малышевскій дѣлаетъ слѣдующій совершенно справедливый выводъ: „такимъ образомъ,—говоритъ онъ,—царская грамота повторяетъ, *а слѣдовательно и признаетъ за коллегіею названіе Академіи*, усвояемое ей самими ея учителями и студентами въ ихъ челобитной“.

Есть твердое основаніе думать, что и тѣ немногія пособія, которыя авторъ неоднократно цитуетъ въ своемъ трудѣ, просмотрѣны имъ не съ надлежащимъ вниманіемъ. Нѣкоторыя значительныя упущенія автора въ этомъ отношеніи, неблагопріятно отразившіяся на его новыхъ выводахъ (исправленіяхъ предшествующихъ историковъ Академіи), я отмѣчу ниже. Сейчасъ же приведу одинъ примѣръ, наглядно свидѣтельствующій, до какихъ предѣловъ простирается иногда небрежность автора въ данномъ случаѣ. На стр. 26 (примѣч. 7) г. Вишневскій заявляетъ, что посвященіе Ѳеофана Прокоповича въ санъ епископа состоялось 7 *апрѣля* 1718 года, и недоумѣваетъ, какимъ это образомъ въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ за 1865 годъ, № 1, стр. 156, хиротонія Ѳеофана отнесена *ко 2-му іюня* означеннаго года. Недоумѣніе автора разрѣшается очень просто. Въ означенномъ изданіи помѣщено письмо Прокоповича къ своимъ бывшимъ сослуживцамъ, профессорамъ Академіи, писанное вскорѣ послѣ его посвященія въ санъ епископа. Въ этомъ письмѣ онъ, между прочимъ, говоритъ какъ о своей хиротоніи, такъ и объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ сему событію, такъ и слѣдовавшихъ за нимъ. Письмо довольно обширное. Часть его, пришедшаяся при изданіи именно на 156 стр. указаннаго номера „Трудовъ Кіев. Дух. Академіи“, гласитъ слѣдующее: „я написалъ свой отвѣтъ (по поводу упрековъ Ѳеофана въ неправославіи) по нашему стилю *въ послѣдній день мая* (1718 года). А на другой день, т. е.

1-го іюня, по повелѣнію Императорскаго Величества, въ храмѣ Святой Троицы, предъ праздничною литургіею, я торжественно нареченъ епископомъ, а на слѣдующій день, т. е. во второй день Пятидесятницы, въ присутствіи Его Величества, *посвященъ въ епископа псковскаго, нарвскаго и изборскаго.* Послѣ того 8 іюня священнѣйшій монархъ для ознаменованія своего къ нашей худости благоволенія вмѣстѣ съ свѣтлѣйшимъ княземъ и многими министрами и сенаторами соизволилъ у меня обѣдать и пользоваться шестичасовымъ угощеніемъ"... и проч. Думаю, что комментаріи къ сказанному излишни [1]). Впрочемъ и подобнымъ дефектамъ въ сочиненіи г. Вишневскаго, какъ не могущимъ ввести спеціалистовъ въ заблужденіе, я склоненъ не придавать особенно большого значенія. По моему мнѣнію, важнѣе тѣ недостатки въ разсматриваемомъ трудѣ, которые я отнесъ къ формальной сторонѣ въ ономъ и подъ которыми разумѣю не вполнѣ умѣлое, иначе сказать, недостаточно научное отношеніе автора къ имѣвшемуся у него подъ руками матеріалу.

Для уясненія вопроса, въ чемъ именно заключается неудовлетворительность сочиненія г. Вишневскаго, оцѣниваемаго съ этой именно стороны, я долженъ возвратиться къ прежней своей рецензіи.

Въ прежней рецензіи я признавалъ (какъ признаю и теперь) извѣстную, притомъ довольно значительную цѣнность за тѣми мѣстами въ работѣ автора, гдѣ онъ перечисляетъ ректоровъ и наставниковъ Академіи съ точнымъ обозначеніемъ времени, когда ими преподавались въ ней тѣ или другія науки.

---

[1]) Въ примѣчаніи замѣчу только, что эти же самыя свѣдѣнія о времени посвященія Ѳеофана Прокоповича авторъ могъ бы позаимствовать и изъ извѣстной монографіи объ этомъ дѣятелѣ И. Чистовича (*Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. СПБ. 1868 г.*). Но г. Вишневскій для ознакомленія съ біографіею Прокоповича отсылаетъ читателя не къ этому капитальному произведенію, а къ „Кіеву съ его древнѣйшимъ училищемъ—Академіею" В. Аскоченскаго (смотр. стран. 26).

Правда, авторъ даетъ только почти голый списокъ означенныхъ лицъ, но между ними (собственно наставниками) находится не мало такихъ, о которыхъ дотолѣ или вовсе не упоминалось въ трудахъ предшествовавшихъ историковъ нашей Академіи, или о времени пребыванія и наставничества ихъ здѣсь сообщались свѣдѣнія не совсѣмъ точныя. Эти восполненія и исправленія, какъ основанныя на изученіи, главнымъ образомъ, рукописнаго матеріала и стоившія немалаго кропотливаго труда, и придаютъ сочиненію автора указанную нами цѣнность. Къ сожалѣнію, цѣнность эта—какъ я заявлялъ—значительно умаляется отъ того, что авторъ означенныя дополненія и исправленія хотя и подкрѣпляетъ многочисленными ссылками на первоисточники (преимущественно, рукописные учебники, а отчасти и документы), но ссылки эти въ томъ видѣ, какъ они сдѣланы авторомъ, отличаются неопредѣленностію и даютъ поводы къ разнообразнымъ сомнѣніямъ относительно ихъ значимости. Эти сомнѣнія еще болѣе увеличиваются отъ того, что разнообразные источники, коими пользовался авторъ, не всѣ имѣютъ одинаковое значеніе и цѣнность и сами (дабы надлежащимъ образомъ воспользоваться ими) требуютъ критическаго къ нимъ отношенія.

Послѣднее обстоятельство побудило меня, при составленіи прежней рецензіи, перечислить главные источники для опредѣленія личнаго состава должностныхъ лицъ Кіевской Академіи за разсматриваемое авторомъ время. Я распредѣлилъ эти источники на четыре группы и охарактеризовалъ относительное (для цѣлей нашего автора) значеніе каждой изъ нихъ. Общее заключеніе изъ всего сказаннаго было таково: „историкъ Академіи, составляющій списки ея наставниковъ за разсматриваемое время, долженъ принять во вниманіе *всѣ доступныя ему данныя* по изучаемому вопросу, *сопоставить ихъ и критически проанализировать*“. Относительно того, какъ выполнена была авторомъ эта задача, мною было замѣчено: „со стороны автора видны попытки къ выполненію означенной за-

дачи, но онѣ не доведены имъ до желаемыхъ предѣловъ и, если въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ можетъ быть оправдываемъ отсутствіемъ бывшихъ у него подъ руками данныхъ, то въ другихъ за допущенныя имъ неточности и ошибки вина лежитъ всецѣло на немъ самомъ". Затѣмъ слѣдовали примѣры, подтверждающіе сказанное.

Какъ г. Вишневскій отнесся къ этому моему замѣчанію, т. е. принялъ ли его во вниманіе при исправленіи своего сочиненія?

Къ сожалѣнію нѣтъ. Выражаю сожалѣніе, потому что, по моему мнѣнію, формальная сторона въ диссертаціи автора наиболѣе нуждается въ исправленіяхъ. Авторъ же, очевидно, считаетъ это *излишнимъ* и во введеніи къ сочиненію, при своей самозащитѣ, ведетъ по этому поводу длинныя рѣчи.

Что это за рѣчи?

Авторъ заявляетъ, что ему „вслѣдствіе отрывочнаго и потому малоопредѣленнаго характера источниковъ, приходилось пользоваться ими" съ *чрезвычайною осторожностію, всегда сопоставляя показанія однихъ источниковъ съ показаніями другихъ, критически ихъ провѣряя, разбирая и восполняя одни другими*". Изъ этого заявленія автора, повидимому, можно заключить, что указанная задача относительно внимательнаго изученія источниковъ, легшихъ въ основу его изслѣдованія, выполнена имъ со всевозможнымъ тщаніемъ..... Но послѣдуемъ за авторомъ далѣе. Далѣе онъ, указавъ на трудность составленія списковъ наставниковъ Академіи за разсматриваемое имъ время, перечисляетъ источники, которыми онъ пользовался для этой цѣли, и подраздѣляетъ ихъ тоже на четыре группы, слѣдуя въ данномъ случаѣ за мною. Но въ опредѣленіи цѣнности источниковъ, въ смыслѣ той или другой ихъ значимости и непререкаемости, авторъ иногда расходится со мною. Я не буду говорить о разногласіяхъ, не имѣющихъ особеннаго значенія и явно происшедшихъ отъ недоразумѣнія

(вѣрнѣе, *невдумчивости*) автора [1]), а остановлюсь на самомъ существенномъ. Главный (въ смыслѣ обилія) матеріалъ, которымъ пользовался г. Вишневскій при составленіи списковъ наставниковъ Академіи, суть сохранившіеся до нашего времени учебники или курсы лекцій по разнымъ предметамъ, преподававшимся въ нашей Академіи. Относительно значимости этого матеріала для указанной цѣли мною въ прежней рецензіи сказано было слѣдующее: „по поводу учебниковъ замѣтимъ, что опредѣленныя, повидимому, указанія въ нихъ о преподаваніи извѣстной науки въ такомъ-то году, такимъ-то, по имени называемымъ наставникомъ, не всегда могутъ быть признаны *безусловно вѣрными*. Дѣло въ томъ, что переписчикъ лекцій слушалъ извѣстную науку въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, причемъ наставники мѣнялись, между тѣмъ онъ, указывая на одного наставника (при которомъ онъ началъ или окончилъ свои записки), умалчивалъ объ осталь-

---

[1]) Имѣю въ виду, что авторъ до minimum'а суживаетъ значеніе (какъ источника для опредѣленія состава академическаго персонала) представленій, дѣлаемыхъ ректорами митрополитамъ о кандидатахъ, способныхъ занять ту или иную каѳедру. Для доказательства неустойчивости (малопригодности) означеннаго источника авторъ указываетъ на то, что иной разъ изъ нѣсколькихъ кандидатовъ, представляемыхъ митрополиту, ни одинъ не опредѣлялся имъ на извѣстный предметъ. Разумѣется, это справедливо, и авторъ въ данномъ случаѣ почти дословно повторяетъ часть сказаннаго мною по этому поводу въ прежней рецензіи, но при этомъ упускаетъ изъ вида *нѣчто и существенное*. Въ полномъ видѣ мое опредѣленіе той или иной значимости указаннаго источника при составленіи списковъ наставниковъ Академіи было и есть таково (дѣлаю выдержку изъ прежней рецензіи): „что касается этого источника (представленій, дѣлаемыхъ ректорами митрополитамъ о кандидатахъ на каѳедры), то онъ имѣетъ *существенную важность* въ томъ только случаѣ, если при своихъ рекомендаціяхъ ректора *указывали*, что извѣстное рекомендуемое ими лицо *предъ тѣмъ* (т. е. въ прошедшемъ или прошедшихъ годахъ) *преподавало въ Академіи тотъ или другой предметъ*. Такое указаніе даетъ возможность съ точностію дѣлать извѣстные выводы *для предшествующаго времени* по данному вопросу Но относительно состава наставническаго персонала *въ предстоящемъ учебномъ году* означенный источникъ имѣетъ значеніе только условное, такъ сказать, *воспособительное*, потому что ректора на каждую каѳедру предлагали, бо́льшею частію, по нѣскольку кандидатовъ,—по два, по три,—и не всегда митрополитомъ утверждался первый изъ нихъ“.

ныхъ,—да и самыя записки на заглавномъ листѣ обозначилъ составленными въ одномъ какомъ либо году (особенно это могли дѣлать позднѣйшіе переписчики), между тѣмъ внимательное разсмотрѣніе нѣкоторыхъ изъ нихъ приводитъ къ заключенію, что онѣ составляемы были въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ, напримѣръ, въ нашей академической библіотекѣ находятся „Praecepta de arte poetica... tradita nec non explicata sub Reverendissimo Patre Professore Poeseos Georgio Koniski (anno) 1746". Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что записки составлялись и въ 1747-мъ и въ послѣдующихъ годахъ, когда профессоромъ поэтики не состоялъ уже Конисскій. Такъ, здѣсь есть вирши въ честь самого Конисскаго, притомъ титулуемаго префектомъ, каковую должность онъ могъ получить не ранѣе мая 1747 года, вирши въ честь митрополита Тимоѳея Щербацкаго, посвященнаго на митрополію въ 1748 году, и т. д." Дѣлая приведенное замѣчаніе, я имѣлъ цѣлію поставить на видъ г. Вишневскому, что и къ датированнымъ учебникамъ, подобно тому, какъ и къ другимъ источникамъ для опредѣленія академическаго персонала за извѣстное время, должно относиться съ бо́льшею осмотрительностію, чѣмъ какую онъ обнаружилъ: *должно и ихъ подвергать тщательному обслѣдованію*, и что безъ предварительныхъ свѣдѣній о результатахъ подобнаго обслѣдованія, ссылки на нихъ (въ особенности, если онѣ единичны) не могутъ имѣть *достодолжной убѣдительности*. Въ справедливости сдѣланнаго мною замѣчанія г. Вишневскій могъ бы убѣдиться, независимо отъ приведеннаго мною примѣра (т. е. указанія на Praecepta de arte poetica... 1746 г.), изъ данныхъ, находящихся въ его же сочиненіи. Такъ, на стр. 27 своего изслѣдованія (примѣч. 5) онъ указываетъ на метафизику, оконченную преподаваніемъ въ Кіевской Академіи *2-го іюля 1725 года*. Въ концѣ этого учебника, по его словамъ, находится слѣдующая замѣтка: „Hic liber philosophicus traditus est... a reverendo patre Hilario Levicki, *rectore* Colleg. Kijovo-Mohilansk." Между тѣмъ самъ авторъ не на-

ходитъ возможнымъ признать справедливость этой замѣтки (относительно ректуры въ данное время Левицкаго) и опровергаетъ ее, считая ошибочною.

Но не взирая на все это, г. Вишневскій не раздѣляетъ моего мнѣнія объ относительной только значимости датированныхъ учебниковъ, какъ источника при составленіи списковъ академическихъ наставниковъ. „Въ своихъ записяхъ,—говоритъ онъ, имѣя въ виду сдѣланное мною замѣчаніе, — студенты очень часто обозначали имена профессоровъ, читавшихъ лекціи, и время ихъ чтенія, приблизительно въ такой формѣ: *cursus* такой-то науки, *inceptus*, *inchoatus ex anno* такого-то *in anum* такой-то, или менѣе опредѣленно: *explicatus anno Domini* (цифра) *sub professore* (имя). Такъ какъ свои подобныя обозначенія непосредственные слушатели лекцій иногда, быть можетъ, дѣлали спустя нѣсколько времени послѣ слушанія ихъ, то легко предположить, что данныя въ этихъ обозначеніяхъ не всегда вѣрны. Но на самомъ дѣлѣ оказывается, что *всѣ они вполнѣ вѣрны* (курсивъ въ подлинникѣ). Въ этомъ мы убѣдились путемъ самаго тщательнаго сличенія всѣхъ подобныхъ обозначеній съ данными, представляемыми источниками, не подлежащими никакому сомнѣнію“ (стран. 7).

Хорошо. Допустимъ полную компетентность автора по данному вопросу. Но какъ же, въ такомъ случаѣ, онъ объяснитъ намъ ошибочныя указанія учебниковъ, подобныя сейчасъ приведенному нами въ метафизикѣ, оконченной преподаваніемъ 2-го іюля 1725 года? Какъ объяснитъ тотъ несомнѣнный, мною констатированный фактъ, что нѣкоторые учебники, датированные *однимъ годомъ*, съ упоминаніемъ *объ одномъ профессорѣ*, на самомъ дѣлѣ составлялись *въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ при разныхъ профессорахъ?*

Авторъ не оставляетъ насъ безъ объясненія. Какъ бы забывая только что произнесенное имъ съ непоколебимою увѣренностію сужденіе о непогрѣшимости учебниковъ „въ обозначеніи именъ профессоровъ, читавшихъ лекціи, и времени ихъ

чтенія", онъ говоритъ: „одно, чего въ иныхъ случаяхъ недостаетъ въ подобныхъ обозначеніяхъ, это—строгой опредѣленности въ ихъ указаніяхъ на время чтенія лекцій, вслѣдствіе чего и опирающіеся на такихъ обозначеніяхъ выводы о времени службы въ Академіи профессоровъ (читавшихъ лекціи съ данными обозначеніями) не могутъ конечно претендовать на безусловную точность, особенно, если для такихъ выводовъ изслѣдователь не имѣетъ никакихъ данныхъ" (стр. 7—8).

Разумѣется, въ этомъ случаѣ авторъ стоитъ ближе къ истинѣ (говоримъ *ближе*, потому что—какъ видѣли—указанія датированныхъ учебниковъ, по сознанію самого автора, не только иногда отличаются *неопредѣленностію*, но и положительно бываютъ *ошибочны*). Но какой же изъ всего этого слѣдуетъ выводъ?—Неизбѣжно тотъ, что учебники, хотя внѣшнимъ образомъ, *должны быть тщательно обслѣдованы и что безъ предварительныхъ свѣдѣній о результатахъ этого обслѣдованія ссылки на нихъ не могутъ имѣть достодолжной убѣдительности.*

Авторъ заявлялъ и заявляетъ, что „изучить полно и обстоятельно массу сырого и *притомъ трудно читаемаго* матеріала, представляемаго учебниками,—для этого нужны долголѣтнія усилія и не одного лица". По поводу этого въ прежней рецензіи я писалъ: „разумѣется, было бы большимъ требованіемъ возложить на автора подобную работу; но все-таки весьма желательно, если бы онъ основательно разобралъ хоть по одному учебнику найболѣе выдающихся профессоровъ по каждому преподаваемому въ Академіи предмету. Правда, авторъ заявляетъ, что онъ старался опредѣлить основной характеръ и направленіе преподаванія въ Академіи, указать даже источники, какими пользовались профессоры при чтеніи своихъ лекцій, и отмѣтить главные моменты развитія каждой академической науки. Но слишкомъ общія, почти бездоказательныя характеристики автора не позволяютъ ихъ признать основанными на прочныхъ данныхъ".

Высказывая это замѣчаніе, я имѣлъ въ виду желаемое улучшеніе той части сочиненія автора, гдѣ онъ ограничивается краткими, въ большинствѣ случаевъ инвентарными свѣдѣніями объ учебникахъ, преподанныхъ въ Академіи. Въ настоящее время я готовъ отказаться и отъ подобнаго пожеланія, какъ, по заявленію автора, для него непосильнаго. Но имѣя намѣреніе охранить главную и, можно сказать, единственно цѣнную часть работы автора (списки ректоровъ и наставниковъ Академіи) отъ замѣчаемой и здѣсь неустойчивости, я тѣмъ съ бо́льшею настойчивостью указываю на то, что *датированные учебники*[1]) должны быть, по крайней мѣрѣ, *внѣшнимъ образомъ* изучены и описаны, т. е. приведены въ полномъ видѣ, безъ пропусковъ, ихъ заглавія, указано, однимъ или нѣсколькими лицами писаны, обозначены, если находятся, датированныя или легко пріурочиваемыя къ опредѣленному времени вирши и т. п.,—словомъ, должно быть отмѣчено все, что можетъ служить къ уясненію вопроса, *когда и въ теченіе скольказо времени* составлялся или переписывался учебникъ. Это уже дѣло не особенно трудное, тѣмъ болѣе, что далеко не всѣ учебники писаны такъ неразборчиво, какъ увѣряетъ авторъ: нѣкоторые переписаны положительно каллиграфически и изобилуютъ не только на заглавныхъ листахъ, но и въ текстѣ весьма искусно сдѣланными рисунками, иногда очень интересными въ бытовомъ отношеніи. Подобное описаніе будетъ имѣть извѣстную цѣнность уже само по себѣ; а для устойчивости выводовъ автора оно, повторяю, необходимо. Ибо при всемъ желаніи не сомнѣваться въ его компетентности, при пользованіи для тѣхъ или иныхъ выводовъ учебниками, сомнѣнія возникаютъ невольно, сами собою.

Приведу примѣръ. О преподаваніи богословія Иннокентіемъ Поповскимъ авторъ дословно говоритъ слѣдующее: „Иннокентій Поповскій съ половины 1702-го по 1706-й г.; препо-

[1]) Хотя тѣ учебники, на которые авторъ дѣлаетъ ссылки (на которыхъ обосновываетъ свои выводы).

данный имъ курсъ состоялъ изъ трактатовъ: 1) in primam partem Summae Theologiae doctoris angelici divi Thomae de Deo optimo, maximo, uno et trino; 2) de jure et justitia; 3) de augustissimo incarnationis Verbi Divini mysterio; 4) de angelis, beatitudine et actibus humanis; 5) de sacramentis; 6) de virtutibus, vitiis, peccatis, justificatione et meritis; 7) de virtutibus theologicis fide, spe et charitate и 8) de paenitentia,—сохранившіеся въ рукоп. библ. Кіево-Софійскаго собора № 220 (первыхъ четыре трактата, съ нѣкоторой перетасовкой въ послѣднемъ нѣсколькихъ диспутацій, сравнительно съ другими его записями), № 221 (стр. 1—502, по второму счету, и стр. 1—291, по третьему счету,—два первыхъ трактата) и № 222 (трактаты 5—6); Кіевской дух. семинаріи (VIII. 1.25, трактаты 3—8) и Смоленской дух. семинаріи (A. 820. 0.7, трактаты 5—8)".— Изъ приведеннаго текста не видно, почему указанные трактаты, преподанные съ половины 1702 года до половины 1706 года, принадлежатъ *Иннокентію Поповскому*. Обращаемся къ примѣчаніямъ, находящимся подъ текстомъ. Здѣсь относительно интересующаго насъ вопроса находится единственное указаніе: именно, что имя Поповскаго, какъ профессора богословія, названо въ рукописи Смоленской дух. семинаріи подъ годами 1705 и 1706, съ замѣчаніемъ въ началѣ перваго трактата (очевидно, de sacramentis) о томъ, что имъ было преподано и *anno superiore*. Такимъ образомъ, мы имѣемъ указанія о преподаваніи Поповскимъ богословія въ Кіевской Академіи за годы 1704, 1705 и 1706. Но почему авторомъ относится начало его преподаванія къ половинѣ 1702 года и приписываются ему первые изъ указанныхъ трактатовъ? Относительно всего этого никакихъ указаній у г. Вишневскаго не находимъ. Остается дѣлать предположенія, что привело автора къ означенному убѣжденію (выраженному въ формѣ положенія),—и предположенія эти могутъ быть разнообразныя. Авторъ въ одномъ изъ примѣчаній по поводу богословскихъ трактатовъ Поповскаго говоритъ слѣдующее: „трактаты каждаго курса мы ука-

зываемъ въ хронологической ихъ послѣдовательности, руководясь для установленія ея тѣми датами, которыя то въ началѣ, то въ концѣ каждаго почти трактата имѣются въ томъ или другомъ его экземплярѣ". Имѣя въ виду это замѣчаніе, невольно думается: не потому ли только авторъ относитъ начало преподаванія Поповскимъ богословія къ указываемому имъ времени, что склоняется къ сему *послѣдовательностію* курсовъ, т. е. не желаетъ пріурочивать ихъ разнымъ преподавателямъ? — Возможно и другое предположеніе. Нѣкоторые богословскіе трактаты Колачинскаго, бывшаго ректоромъ не далѣе половины 1702 года, именно курсы начала этого года, авторъ *съ нѣкоторою вѣроятностію* готовъ приписать Поповскому. Поэтому, *предположительно* приписавъ означенные трактаты послѣднему, авторъ не на этомъ ли основаніи, т. е. *не желая прерывать преподавательской дѣятельности Поповскаго, положительно* уже пріурочиваетъ ее къ половинѣ 1702 года? Какъ бы то ни было, основанія, на которыхъ зиждется означенное утвержденіе автора, для насъ скрыты; а такъ какъ *сообщаемыя имъ* свѣдѣнія о богословскихъ курсахъ, якобы преподанныхъ Поповскимъ въ 1702 и 1703 г.г., не представляютъ данныхъ о принадлежности ихъ именно этому лицу, то невольно является сомнѣніе, вѣрныя ли авторъ сдѣлалъ ссылки на учебники?.. Сомнѣніе это еще болѣе увеличится, если примемъ во вниманіе, что въ указанные годы (1702-й, 1703-й и даже отчасти 1704-й) ректоромъ Академіи былъ Гедеонъ Одорскій и что изъ всѣхъ ректоровъ разсматриваемаго времени ему одному (или, точнѣе, почти одному, если признать, что Думницкій, бывшій ректоромъ Академіи въ 1737—1740 г.г., по какимъ-то обстоятельствамъ, былъ уволенъ отъ преподаванія богословія), — ему одному, изучавшему и, по его словамъ, *изучившему богословіе* въ заграничныхъ школахъ, якобы не суждено было преподавать этой науки!... Чтобы разрѣшить это сомнѣніе, я просмотрѣлъ тѣ, приписываемые г. Вишневскимъ Иннокентію Поповскому трактаты, которые, по его указанію, находятся въ Кіево-

Софійской библіотекѣ подъ №№ 220, 221 и 222. Что же оказывается? Оказывается, что во всѣхъ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, что они преподаны были Поповскимъ. Мало того, относительно первыхъ двухъ рукописныхъ учебниковъ нельзя даже съ увѣренностію сказать, что они писаны были въ Кіевѣ. Не невозможно даже предположеніе, что первые два трактата (de Deo optimo, de justitia et jure) суть не что иное, какъ копіи съ учебниковъ католическихъ, и это не потому даже, что въ концѣ одного изъ этихъ трактатовъ есть воззваніе къ Пресвятой Дѣвѣ *sine labae conceptae* (ибо въ Кіевской Академіи разсматриваемаго времени еще держались католическаго ученія о непорочномъ зачатіи Пресвятой Богородицы, что нашему автору, судя по его завѣреніямъ на стр. 123—124, остается неизвѣстнымъ), а по однородности содержанія ихъ съ учебниками несомнѣнно католическаго содержанія.

Кромѣ ссылокъ на учебники, авторъ въ подкрѣпленіе своихъ положеній дѣлаетъ частыя ссылки и на документы, бо́льшею частію имъ самимъ найденные. Ссылки эти чрезвычайно кратки: почти всегда указываютъ только мѣстонахожденіе извѣстнаго документа и его №. Напримѣръ: *Архивъ Кіев. дух. Консист. д. 1741 г. № 718; ibid. реэстръ 1742 г. № 418-й* и т. д. Въ виду того, что на основаніи этихъ ссылокъ авторъ иногда восполняетъ и исправляетъ труды предшествующихъ историковъ Академіи, пріемы его нельзя одобрить. Желательно, а иногда и необходимо, чтобы данныя, на основаніи которыхъ дѣлается какой либо новый выводъ, приводимы были, въ потребныхъ для сего размѣрахъ, in extenso... Во первыхъ, нѣкоторыя извлеченія изъ документовъ необходимы уже для того, чтобы имѣть опору для сужденія о значимости самыхъ документовъ, а отсюда опредѣлить устойчивость и выводовъ, на основаніи ихъ дѣлаемыхъ; ибо и архивныя данныя не всѣ имѣютъ одинаковую значимость. Напримѣръ, когда идетъ рѣчь о времени занятія извѣстнымъ лицомъ той или иной преподавательской должности, или оставленія имъ ея, то одно значеніе (въ смыслѣ

точности) имѣютъ, положимъ, датированныя резолюціи митрополитовъ и указы консисторіи, а другое—иныя данныя, въ родѣ случайныхъ упоминаній объ этомъ въ письмахъ сторонникъ лицъ, донесеніяхъ и т. п., съ обозначеніями по данному вопросу *приблизительными*. Иллюстрирую сказанное примѣромъ. Г. Вишневскій показываетъ Сильвестра Кулябку состоявшимъ префектомъ Академіи *съ половины 1737 года*. Такъ какъ это показаніе исправляетъ ошибочное мнѣніе преосв. Евгенія и другихъ, пріурочивавшихъ начало префектуры Кулябки къ 1738 году, то авторъ оправдываетъ свое исправленіе многочисленными цитатами, въ числѣ которыхъ встрѣчается, повидимому, самый надежный источникъ, — *дѣло 1737 года, находящееся въ Архивѣ Св. Синода, подъ № 380-мъ*. Но что это за дѣло, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь, по какому случаю и въ какихъ выраженіяхъ говорится о времени префектуры Кулябки,—изъ сочиненія г. Вишневскаго не видно. А между тѣмъ, извлеченіе in extenso соотвѣтствующаго мѣста изъ означеннаго дѣла было бы весьма умѣстно для опредѣленія той или иной *значимости* указываемаго источника по данному вопросу. Ибо, безъ сомнѣнія, оказалось бы, что эта значимость *относительная*, такъ какъ назначеніе Кулябки префектомъ воспослѣдовало позже. Въ подлинномъ прошеніи, поданномъ въ маѣ 1740 года Сильвестромъ Кулябкою митрополиту Рафаилу Заборовскому, читаемъ: „въ прошломъ 1737 году *августа въ послѣднихъ числахъ*, по милостивому Вашего Преосвященства Архипастырскому благопризрѣнію, опредѣленъ я нижайшій въ Академіи Вашего Преосвященства префектомъ“... и проч.

Другой примѣръ. Прежніе историки Академіи (преосв. Макарій и другіе) продолжаютъ префектуру Иларіона Левицкаго *до половины 1727 года*. Г. Вишневскій считаетъ это положительною ошибкою съ ихъ стороны и доводитъ префектуру означеннаго лица только *до половины предшествующаго 1726 года*, заявляя, что *съ этого времени Левицкій*

былъ уже ректоромъ (стр. 27, 28, 33). Поправки эти дѣлаются на основаніи позднѣйшаго дѣла отъ 19 октября 1733 года, хранящагося въ архивѣ Кіев. дух. Консисторіи, подъ № 25, изъ коего видно, что якобы Волчанскій, предшественникъ Левицкаго по ректурѣ, назначенъ былъ игуменомъ Пустынно-Никольскаго монастыря *13 іюля 1726 года*. Но что это за дѣло, въ какихъ здѣсь выраженіяхъ говорится о назначеніи Волчанскаго никольскимъ игуменомъ, упоминается ли при этомъ о Левицкомъ,—остается для читателя невыясненнымъ. А это чрезвычайно важно; ибо извѣстны примѣры, что съ ректурою и игуменствомъ въ Братскомъ монастырѣ соединялось и настоятельство въ Никольскомъ монастырѣ (дѣлаемъ это замѣчаніе, условно признавая вѣрность указанія автора о времени назначенія Волчанскаго никольскимъ игуменомъ, что́—какъ увидимъ ниже—болѣе, чѣмъ сомнительно). Сомнѣніе въ безошибочности дѣлаемой г. Вишневскимъ поправки еще болѣе увеличивается, если примемъ во вниманіе, что имъ, очевидно, невнимательно просмотрѣно неоднократно цитуемое имъ пособіе—*„Кіево-Братскій училищный монастырь“* г. Н. Мухина (Кіевъ, 1893 г.), гдѣ на стр. 285 говорится, что на одномъ изъ колоколовъ Кіево-Братскаго монастыря находится слѣдующая надпись: „сей дзвонъ есть Кіево-Могилянскій; сдѣланъ *за преподобнаго отца префекта Іларіона Левицкаго*, Anno MDCCXXVII“. Правда, авторъ ссылается еще на учебникъ, находящійся въ библіотекѣ Кіев. дух. семинаріи (VIII. 1. 7), составленный якобы при ректорѣ Иларіонѣ Левицкомъ *въ 1726 году;* но автору—какъ мы видѣли—извѣстенъ учебникъ, преподанный, какъ въ немъ значится, ректоромъ Левицкимъ еще въ предшествовавшемъ, 1725 году, между тѣмъ г. Вишневскій, вопреки своей убѣжденности въ безошибочности датъ на учебникахъ, послѣднюю дату считаетъ безусловно ошибочною.

Во вторыхъ, весьма желательны, а иногда, оказывается, и положительно необходимы выдержки изъ цитуемыхъ авторомъ

документовъ и для того, чтобы ознакомиться съ процессомъ работы автора, приведшимъ его къ извѣстному результату,—дабы, такъ сказать, воочію увидѣть основанія, на которыхъ зиждутся тѣ или иныя положенія автора. Наше пожеланіе (независимо отъ указаннаго выше) вытекаетъ, между прочимъ, изъ того несомнѣннаго факта, что г. Вишневскій—какъ я заявилъ въ прежней рецензіи—не можетъ быть причисленъ къ числу опытныхъ ученыхъ, вполнѣ охватывающихъ имѣющійся подъ руками матеріалъ и воздерживающихся отъ поспѣшныхъ заключеній. Ошибочность нѣкоторыхъ его выводовъ прямо бросается въ глаза. Въ прежней своей рецензіи я показалъ, что, пользуясь одними и тѣми же съ авторомъ документами, можно (или, точнѣе, неизбѣжно должно) придти совершенно къ инымъ выводамъ. Понятно, поэтому, какія неудобства представляетъ манера автора скрывать подъ спудомъ тѣ—по его выраженію—драгоцѣнныя свѣдѣнія, которыя заключаются въ найденныхъ имъ документахъ и на основаніи которыхъ онъ дѣлаетъ свои восполненія и исправленія трудовъ предшествующихъ историковъ Академіи. Для ознакомленія съ пріемами автора, характеризующими его отношеніе къ источникамъ, приведу примѣръ, доступный для провѣрки.

Возвращаюсь къ назначенію Волчанскаго игуменомъ Пустынно-Никольскаго монастыря. Мы видѣли, что авторъ пріурочиваетъ оное къ 13 іюля 1726 года. Основаніемъ для него служитъ указываемое имъ какое-то дѣло 19 октября 1733 года. Содержаніе этого дѣла остается для читателя неизвѣстнымъ. Но къ этому же самому назначенію имѣетъ прямое отношеніе другое дѣло, уже въ извлеченіяхъ напечатанное и нашимъ авторомъ *тоже цитуемое*,—именно *опредѣленіе Св. Синода по доношеніямъ Варлаама, архіепископа Кіевскаго, и кіево-печерскаго архимандрита Іоанникія съ братіею о келейномъ имуществѣ умершаго игумена Николаевскаго Пустыннаго монастыря Христофора Чернуцкаго, и о произведеніи на его мѣсто игумена*. Господину Вишневскому,

повторяемъ, это дѣло извѣстно, и онъ его цитуетъ. Насколько же оно подтверждаетъ его утвержденіе, что Волчанскій назначенъ былъ игуменомъ Пустынно-Никольскаго монастыря 13 іюля 1726 г., на чемъ у автора обосновано нѣсколько передвиженій должностныхъ лицъ въ Академіи или, иначе, исправленій предшествовавшихъ историковъ оной? Къ удивленію, разсматриваемое дѣло даетъ основаніе для выводовъ совершенно иныхъ, чѣмъ какіе дѣлаетъ авторъ. Извлеку изъ дѣла только то, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ разсматриваемому вопросу. 28-го іюня 1726 года скончался игуменъ Пустынно-Никольскаго монастыря Христоforъ (Чарнуцкій). По этому случаю поступило въ Св. Синодъ два донесенія: одно отъ кіевскаго архіепископа Варлаама Ванатовича, другое—отъ кіево-печерскаго архимандрита. Преосвященный, сообщая о смерти Чарнуцкаго, объ оставшемся послѣ умершаго имуществѣ, о мѣстѣ его погребенія и т. п.,—въ заключеніи донесенія проситъ Св. Синодъ *„не умедлить назначеніемъ умершему преемника“*. 21 сентября состоялось по означеннымъ доношеніямъ опредѣленіе Синода, гдѣ между прочимъ сказано: *„новаго игумена въ монастырь назначить преосвященному Варлааму по его усмотрѣнію и донести о томъ Синоду“*. Указъ объ этомъ синодскомъ опредѣленіи отосланъ былъ въ Кіевъ 4 ноября 1726 года (Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, т. VI, СПБ. 1883 г., № 236/111, столб. 412—416). Такимъ образомъ, если опредѣленіе Синода, предоставляющее кіевскому преосвященному назначить въ Пустынно-Никольскій монастырь игумена по собственному усмотрѣнію состоялось 21 сентября 1726 года, а указъ объ этомъ отосланъ изъ Петербурга 4 ноября,—то какъ же могло состояться назначеніе Волчанскаго на означенное настоятельство, по словамъ нашего автора, *„въ самомъ непродолжительномъ времени“* послѣ смерти Чарнуцкаго, т. е. 13 іюля означеннаго года? О чемъ идетъ рѣчь въ указываемомъ г. Вишневскимъ дѣлѣ 1733 года? Не о томъ ли, что

въ виду невозможности для преосвященнаго назначить преемника Чарнуцкому собственною властію (отъ чего зависѣла эта невозможность,—дѣло стороннее и для спеціалистовъ извѣстное), а вмѣстѣ съ тѣмъ и неудобства на долгое время (до отвѣта изъ Синода) оставлять обитель безъ управителя,—Волчанскому предоставлено было временное завѣдываніе Никольскимъ монастыремъ, разумѣется, съ оставленіемъ его въ должности ректора? А можетъ быть дѣло объясняется и еще проще,—т. е. авторъ ошибочно прочелъ въ документѣ даты и такимъ образомъ сдѣлалъ невѣрную на него ссылку? Послѣднее предположеніе отнюдь не невозможно; ибо мы знаемъ, что авторъ небезупреченъ въ этомъ отношеніи, и даже въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ (гдѣ идетъ рѣчь о Чарнуцкомъ и Волчанскомъ) сдѣлалъ три невѣрныя ссылки на труды преосвященныхъ Амвросія (Исторія Рос. іер.) и Макарія и В. Аскоченскаго. Именно, онъ утверждаетъ, что будто бы всѣ означенные изслѣдователи относятъ назначеніе Волчанскаго кіево-никольскимъ игуменомъ къ марту *1726 года*, между тѣмъ всѣ они пріурочиваютъ оное къ марту *1727 года*.

Заканчивая рѣчь о научныхъ пріемахъ автора, не могу одобрить и слѣдующихъ воззрѣній, выдвигаемыхъ имъ въ качествѣ какъ бы нѣкой брони при своей самозащитѣ. Г. Вишневскій проводитъ ту мысль, что если имъ и допущены ошибки, основанныя на неточныхъ датахъ учебниковъ, то тутъ вина не его; а во вторыхъ, что означенныя ошибки и не имѣютъ-де большого значенія. *„Да и неточность*—говоритъ онъ—*въ каждомъ такомъ случаѣ не превышаетъ года времени“* (стр. 8, прим. 1). Что касается того, какъ пособить горю, дабы учебники съ невѣрными датами не вводили автора во искушеніе, я говорилъ раньше, и ширить рѣчь по этому поводу считаю излишнимъ. Но долженъ,—исключительно въ интересахъ автора, въ виду желаемой мною успѣшности при дальнѣйшей обработкѣ имъ своего сочиненія,—долженъ остановиться на его заявленіи о неважности якобы возможныхъ ошибокъ въ опредѣ-

ленiи времени наставничества тѣхъ или иныхъ лицъ не болѣе, какъ на годъ.

По поводу этого первѣе всего замѣчу слѣдующее. Авторъ хорошо знаетъ, что разсматриваемый имъ періодъ въ исторіи Кіевской Академіи никакъ нельзя сравнивать съ позднѣйшими временами, ей пережитыми и переживаемыми, въ особенности съ теперешними, какъ относительно продолжительности службы наставниковъ при Академіи, такъ и относительно перехода ихъ съ одного предмета на другой. Въ настоящее время наставники прочно сидятъ на своихъ мѣстахъ, сидятъ иногда по цѣлымъ полстолѣтіямъ (если Богъ дастъ вѣку) и переходы ихъ съ одного предмета на другой бываютъ сравнительно весьма рѣдки, по какимъ либо исключительнымъ случаямъ. Не то было въ разсматриваемое авторомъ время: продолжительность службы наставниковъ была сравнительно небольшая; переходы ихъ съ одного предмета на другой были постоянные; иногда же тѣ или другіе наставники появлялись на горизонтѣ Академіи и исчезали съ него, какъ метеоры... Понятно, поэтому, какъ вашъ авторъ, относительная цѣнность сочиненія котораго и состоитъ именно въ составленіи списковъ должностныхъ лицъ и наставниковъ Академіи, долженъ стремиться къ точности въ опредѣленіи времени наставничества тѣхъ или иныхъ лицъ и какъ долженъ дорожить этою точностію, а отнюдь не убаюкивать себя мыслію о неважности ошибокъ въ этомъ отношеніи, не превышающихъ года времени! Авторъ долженъ принять къ свѣдѣнію, что заслуга его въ дѣлѣ разработки исторіи нашей Академіи сводится преимущественно къ тому, что онъ представляетъ какъ бы остовъ, скелетъ для этой исторіи за разсматриваемое имъ время. Будущіе историки Академіи съ благодарностію воспользуются этимъ скелетомъ и, безъ сомнѣнія, постараются облечь его плотію и кровію. Но, разумѣется, весьма желательно, чтобы самый скелетъ составленъ былъ, по возможности, *наиболѣе правильно*. Авторъ можетъ усумниться, чтобы точность въ данномъ случаѣ имѣла уже столь большое значеніе,

какое я ей приписываю. Пусть не сомнѣвается или, по крайней мѣрѣ, предоставитъ объ этомъ судить будущимъ историкамъ Академіи, а самъ дѣлаетъ свое дѣло, правильно составляя скелетъ, т. е. стремясь къ *точности, точности и точности!* Положимъ, пусть авторъ констатируетъ (приводимъ подлинныя документальныя данныя, автору бо́льшею частію неизвѣстныя), что въ $17^{45}/_{46}$ учебномъ году преподавателемъ реторики назначенъ былъ Гедеонъ Слонимскій, *1 мая 1746 года* онъ упоминается, какъ преподаватель философіи въ донесеніи митрополиту префекта Ковачинскаго, подписывавшагося *въ первой половинѣ мая того года* учителемъ богословія, а *15 мая учителемъ философіи*, а затѣмъ спустя нѣкоторое время (въ послѣдній разъ 28 іюля) снова учителемъ богословія. Для нашего автора, допустимъ, все это будутъ голыя кости, небольшая частица скелета. Но, безъ сомнѣнія, будущій историкъ положитъ эти голые факты въ основу любопытной картины (для чего найдутся и данныя), характеризующей нравы и обычаи того времени, нечуждаго житейскихъ треволненій. Притомъ, крайне и ненаучно думать, что точность въ обозначеніи времени, даже доходящая до скрупулезности, дѣло излишнее. Исторія требуетъ такой точности и авторъ погрѣшаетъ, не придавая ей надлежащаго значенія.—Моя рецензія, противъ всякаго ожиданія, разрослась значительно. Но такъ и быть, приведу еще примѣръ въ подтвержденіе невнимательнаго отношенія автора къ точнымъ датамъ, находящимся въ источникахъ. Г. Вишневскій заявляетъ, что Сильвестръ Кулябка состоялъ ректоромъ Кіевской Академіи *приблизительно до октября 1745 года*. Въ примѣчаніи къ подчеркнутымъ словамъ присоединена слѣдующая цитата: „по документамъ Синодальнаго архива, онъ былъ назначенъ епископомъ въ Кострому *21 октября* 1745 года“. Во первыхъ, непохвально уже поступаетъ авторъ, дѣлая столь неопредѣленную ссылку: архивъ синодскій слишкомъ обширенъ. Но я въ этомъ архивѣ работалъ неоднократно, дѣлалъ для себя кое-какія замѣтки и имѣю возможность неопредѣлен-

ную ссылку автора сдѣлать вполнѣ опредѣленною: онъ имѣетъ въ виду *дѣло Арх. Св. Синода 1744 г. подъ № 83.* Дѣло это, начавшееся по частному случаю, привело къ учрежденію Костромской епархіи и назначенію въ оную С. Кулябки. Не буду пока приводить выдержки изъ этого дѣла. Посмотримъ сначала, что извлекаетъ изъ него нашъ авторъ. Извлекаетъ, во первыхъ, свѣдѣніе, что Кулябка назначенъ епископомъ 21 октября 1745 г.; во вторыхъ, изъ сего дѣлаетъ выводъ, что его ректуру въ Академіи можно приблизительно отодвигать только до октября, т. е. какъ бы дается знать, что предъ самымъ назначеніемъ во епископы Кулябка не носилъ уже званія ректора, а почему не носилъ—неизвѣстно. Внимательный просмотръ означеннаго дѣла далъ бы возможность автору быть по сему вопросу безусловно точнымъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей выдержки, извлекаемой мною изъ документа, въ дѣлѣ находящагося: „Святѣйшему Синоду синодальные члены (слѣдуетъ перечень ихъ) въ письменномъ предложеніи объявили, что *октября 20 дня* Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица Елизавета Петровна, Самодержица Всероссійская, въ высочайшее свое въ зимнемъ своемъ Императорскаго Величества домѣ въ церкви присутствіе, имяннымъ своимъ изустнымъ указомъ всемилостивѣйше повелѣть соизволила із представленныхъ всеподданнѣйшимъ Ея Императорскому Величеству отъ Синода докладомъ къ произведенію в Костромскую епархію во епископа кандидатовъ, в ту епархію произвести во епископа обрѣтающагося зѣсь в Санктъ Петербургѣ Кіевской епархіи Братскаго училищнаго монастыря архимандрита і *Кіевской Академіи ректора* Силвестра Кулябку; і во исполненіе онаго Ея Императорскаго Величества высочайшаго указу помянутой архимандритъ Силвестръ в придворной Ея Императорскаго Величества церкви в высочайшее Ея Императорскаго Величества присутствіе сего ноября 10 дня во оную Костромскую епархію во епископа хиротонисанъ, о чемъ Кабинету Ея

Императорскаго Величества симъ сообщается во извѣстіе“ (слѣдуютъ подписи).

Сказаннаго, думаю, вполнѣ достаточно для характеристики диссертаціи г. Вишневскаго съ матеріальной и формальной сторонъ. Нельзя не пожалѣть, что авторъ употребилъ не мало времени совершенно непроизводительно на свою *самозащиту*, приведшую его къ противорѣчіямъ, натяжкамъ и такимъ извиненіямъ, каковымъ отнюдь не мѣсто въ сочиненіи, представляемомъ на ученую степень. Вообще эта самозащита автора не только не улучшаетъ его работу, но даже не незначительно ухудшаетъ ее.

Но есть въ сочиненіи г. Вишневскаго (сравнительно съ прежнею его редакціею) и дѣйствительныя улучшенія. Я съ удовольствіемъ отмѣчу ихъ.

Въ прежней своей рецензіи я привелъ (въ полномъ видѣ) два, неизвѣстныхъ автору, документа, изъ коихъ видно, какія лица предназначены были въ началѣ учебныхъ годовъ преподавать въ Академіи тѣ или иные предметы: одинъ документъ отъ августа 1744 года, другой отъ августа 1745 года. Помѣщая эти документы, я опредѣлилъ и ихъ значеніе для цѣлей автора. Я отнесъ ихъ къ разряду найболѣе надежныхъ источниковъ, но тѣмъ не менѣе предостерегъ, что и на основаніи сихъ источниковъ „дѣлать положительные или сравнительно широкіе выводы (что въ теченіе *цѣлаго года* такую-то науку преподавалъ такой-то наставникъ, а другую—такой-то) не всегда можно безошибочно, ибо бывали случаи, когда извѣстное лицо, назначенное преподавать тотъ или другой предметъ, за болѣзнію или по инымъ обстоятельствамъ отказывалось читать лекціи и приходилось его замѣнять другимъ лицомъ, что почти всегда сопровождалось перемѣщеніемъ нѣкоторыхъ наставниковъ съ однихъ каѳедръ на другія“.

Авторъ принялъ мои замѣчанія къ свѣдѣнію и занялся, къ чему и обязывался, надлежащею провѣркою сообщенныхъ мною документовъ, т. е. уясненіемъ вопроса, дѣйствительно ли ука-

зываемыя въ нихъ лица, коимъ предписано было резолюціею митрополита преподавать извѣстные предметы, преподавали ихъ въ теченіе цѣлаго года. Такая провѣрка привела къ заключенію, что *всѣ лица*, значащіяся въ документѣ 1744 года, исполняли въ учебномъ году возложенныя на нихъ преподавательскія обязанности. Это дало возможность автору, съ одной стороны, восполнить бывшіе въ его изслѣдованіи пробѣлы (именно помѣстить подъ 174⅘ учебнымъ годомъ прежде незначившихся въ изслѣдованіи наставниковъ: аналогіи—іеродіакона *Гавріила Данилевича*, инфимы—іеромонаха *Іоанникія Венерацкаго*, синтаксимы—іеромонаха *Аѳанасія Ясниковскаго)*, а съ другой стороны—исправить допущенныя въ немъ ошибки (такъ, іеромонахъ *Тихонъ Александровичъ*, котораго авторъ за несомнѣнное считалъ преподавателемъ піитики, перемѣщенъ, какъ и подобаетъ, на каѳедру реторики, съ которой удаленъ Сильвестръ Добрына, а на каѳедру піитики помѣщенъ іеромонахъ Гедеонъ Сломинскій, прежде вовсе незначившійся въ числѣ наставниковъ за указанный годъ; при этомъ уничтожены и тѣ ссылки, которыми авторъ подкрѣплялъ свои положенія и фиктивность которыхъ мною въ прежней рецензіи была доказана).

Что касается второго документа, 1745 года, то авторъ относительно двухъ упоминаемыхъ здѣсь лицъ выразилъ нѣкоторое сомнѣніе [1]): дѣйствительно ли они преподавали въ означенномъ учебномъ году порученные имъ предметы, и относительно тоже двухъ—полную увѣренность, что они хотя и состояли въ данное время наставниками въ Академіи, но преподавали *съ самаго начала ученія* не тѣ предметы, которые имъ были предназначены.

Разумѣется, попытки автора уяснить возникшія при провѣркѣ документа сомнѣнія весьма похвальны. Но мнѣ кажется, что онъ при своихъ изысканіяхъ, вызванныхъ этими сомнѣніями, въ однихъ случаяхъ простираетъ осторожность въ выво-

[1]) Точнѣе, относительно одного (стр. 14).

дахъ за достодолжные предѣлы (т. е., не оправдываемые наличностью данныхъ), а въ другихъ—не доводитъ ее до сихъ предѣловъ.

Чрезмѣрную осторожность въ выводахъ, по нашему мнѣнію, авторъ обнаруживаетъ, когда выражаетъ нѣкое сомнѣніе, слѣдуетъ ли считать Георгія Конисскаго преподавателемъ піитики въ $17^{45}/_{46}$ учебномъ году, несмотря на то, что относительно сего состоялась резолюція митрополита отъ 8 августа 1745 года? Вотъ разсужденія автора по данному вопросу: „на курсѣ піитическихъ лекцій Георгія Конисскаго—говоритъ г. Вишневскій—стоитъ 1746 годъ. Спрашивается: въ какомъ году преподавалъ піитику Конисскій, если для опредѣленія этого мы имѣемъ лишь одну означенную дату на экземплярѣ его лекцій? Если на лекціяхъ обозначенъ годъ ихъ окончанія, то, значитъ, Конисскій былъ учителемъ піитики въ $17^{45}/_{46}$ учебномъ году; если же указанъ годъ ихъ начала, то онъ учительствовалъ въ $17^{46}/_{47}$ г. Разрѣшить все это легко, имѣя несомнѣнный документъ съ точнымъ извѣстіемъ о времени учительства Конисскаго въ піитикѣ. Но такого документа нѣтъ; мы только имѣемъ извѣстіе (безусловно вѣрить которому безъ данныхъ, подтверждающихъ его, нельзя), что въ началѣ $17^{45}/_{46}$ учеб. года онъ былъ представленъ на должность учителя піитики и что это представленіе было утверждено митрополитомъ; а потому (не имѣя, правда, и ничего опровергающаго насъ) допускаемъ (болѣе или менѣе вѣроятное) предположеніе, что въ $17^{45}/_{46}$ году онъ состоялъ учителемъ піитики".

Но обнаруживъ такую чрезмѣрную осторожность, доходящую почти до курьезности (въ чемъ опять-таки виновато стремленіе автора къ самозащитѣ: ибо въ прежней редакціи его изслѣдованія *Георгій Конисскій не значился преподавателемъ піитики* въ означенномъ учебномъ году),—г. Вишневскій въ другихъ случаяхъ, какъ мы замѣтили, не доводитъ осторожности и до надлежащихъ уже предѣловъ,—именно, при своихъ разсужденіяхъ о наставничествѣ *Тихона Александровича* и

Гедеона Сломинскаго. Изъ приведеннаго нами документа видно, что резолюціею митрополита, воспослѣдовавшею 8 августа 1745 года, означенныя лица утверждены были, согласно представленію академическаго начальства, преподавателями въ Академіи—первый *философіи*, а второй *реторики*. Это опредѣленіе находилось не въ соотвѣтствіи со спискомъ наставниковъ въ изслѣдованіи г. Вишневскаго, гдѣ значились Сломинскій—преподавателемъ *философіи* (а не реторики), а Александровичъ—*реторики*. Въ виду указаннаго несоотвѣтствія, я въ прежней рецензіи, отмѣтивъ это, обратилъ вниманіе на ссылки, дѣлаемыя авторомъ въ подтвержденіе своихъ положеній, причемъ оказалось, что одна ссылка сдѣлана на источникъ весьма ненадежный (учебникъ, дата на которомъ переправлена съ разницею на 19 лѣтъ), а другая отличалась неопредѣленностію,—каковою неопредѣленностію погрѣшаютъ, какъ мы видѣли, весьма многія цитаты автора. „Я не хочу сказать—писалъ я въ рецензіи,—что всѣ приведенныя нами ссылки автора безусловно невѣрны; я имѣю въ виду только показать, что онѣ въ томъ видѣ, какъ сдѣланы авторомъ, отличаются неопредѣленностію и даютъ поводы къ разнообразнымъ сомнѣніямъ относительно той или иной цѣнности этихъ ссылокъ".

Въ настоящее время (въ новой редакціи своей диссертаціи) г. Вишневскій, не желая привносить *никакой* поправки къ своему мнѣнію о Сломинскомъ, какъ преподавателѣ философіи, а объ Александровичѣ, какъ преподавателѣ реторики, въ теченіе цѣлаго $17^{45}/_{46}$ учеб. года,—усиливается доказать справедливость этого мнѣнія посредствомъ цѣлаго ряда косвенныхъ соображеній. Не буду входить въ разборъ этихъ, бо́льшею частію искусственныхъ и легко разрушаемыхъ соображеній [1]).

[1]) Напр., авторъ утверждаетъ, что дата учебника, на который онъ дѣлаетъ ссылку, переправлена *въ давнее время* (курсивъ автора). Но, во первыхъ, не все ли это равно, коль скоро фактъ передѣлки существуетъ; а во вторыхъ (не говоря уже о томъ, что самъ авторъ не видѣлъ учебника), предлагаю вопросъ: если *1765 годъ* передѣланъ *на 1746*, то когда это могло случиться,—ранѣе ли 1765 г. или позже?

Приду на помощь автору. Есть документальное извѣстіе о толъ, что въ началѣ мая 1746 года въ Академіи *учителемъ философійскимъ былъ іеромонахъ Гедеонъ* (очевидно, Сломинскій). Свѣдѣніе объ этомъ находится въ одномъ собственноручномъ доношеніи митрополиту Рафаилу Заборовскому префекта Михаила Козачинскаго.

Тѣмъ не менѣе, не взирая и на это, авторъ долженъ сдѣлать поправки къ своему списку: ибо, коль скоро имѣется неподлежащее сомнѣнію извѣстіе, что 8 августа 1746 года митрополитъ утвердилъ Александровича преподавателемъ философіи, а Сломинскаго—реторики, то съ этого времени, de jure, они таковыми и числились; и если бы даже перемѣна въ распредѣленіи между ними предметовъ воспослѣдовала при самомъ началѣ учебныхъ занятій, все-таки первоначальное опредѣленіе митрополита историкомъ Академіи не можетъ быть игнорируемо. Нашъ же авторъ тѣмъ болѣе не долженъ игнорировать этого опредѣленія, что имъ пока не найдено никакого документальнаго указанія, подтверждающаго его завѣреніе, будто бы означенная перемѣна воспослѣдовала предъ началомъ учебнаго года, а не въ теченіе онаго. Вообще означенное мѣсто въ спискѣ наставниковъ авторъ долженъ исправить, имѣя въ виду нижепоименованныя документальныя данныя: 1) указанное опредѣленіе митрополита отъ 8 августа 1745 года; 2) находящееся въ донесеніи митрополиту префекта Козачинскаго свѣдѣніе, *что около 1 мая 1746 года* учителемъ *философійскимъ былъ іеромонахъ Гедеонъ;* 3) слѣдующую собственноручную подпись Козачинскаго подъ донесеніемъ митрополиту, отъ 15 мая: „Ясне въ Богу Преосвященства Вашего всенижайшій послушникъ Академіи Кіевской префектъ, *учитель философіи* іеромонахъ Михаилъ, т. р.“ —При оцѣнкѣ послѣдняго факта авторъ долженъ обратить особенное вниманіе на то, что въ началѣ мая 1746 года Козачинскій подписывался учителемъ *богословія;* подписывался такъ и позже 15 мая, предъ оставленіемъ службы при Академіи, по прошенію отъ 28 іюля вышеозначеннаго года.

Должно, разумѣется, обратить вниманіе и на тревожное положеніе дѣлъ въ Академіи въ разсматриваемое время.

Продолжу обозрѣніе улучшеній, привнесенныхъ г. Вишневскимъ въ свое сочиненіе.

Въ прежней рецензіи мною разъяснено было, что Досиѳей Голяховскій, занявшій въ октябрѣ 1746 года каѳедру реторики, не состоялъ уже (одновременно съ симъ) *до половины 1747 г.*, какъ утверждаетъ авторъ, и преподавателемъ *синтаксимы*; наставникомъ *въ послѣдней былъ Іоанникій Венерацкій*, о чемъ есть неоднократныя упоминанія въ цитуемыхъ самимъ же авторомъ актахъ. Затѣмъ, на основаніи тѣхъ же актовъ, указано было, что въ означенное время Василій Крыжановскій изъ инфимы переведенъ былъ на каѳедру грамматики, а на его мѣсто назначенъ былъ *Кременецкій*, преподававшій дотолѣ въ аналогіи; наставникомъ же въ послѣднюю опредѣленъ былъ Іоаннъ Ярошевскій, вовсе не помѣщавшійся авторомъ въ числѣ преподавателей аналогіи. Всѣми этими свѣдѣніями г. Вишневскій воспользовался вполнѣ, размѣстивъ означенныхъ лицъ въ своихъ спискахъ соотвѣтственно моимъ указаніямъ.

Наконецъ, нѣкоторыя частичныя улучшенія (преимущественно въ видѣ дополненій) сдѣланы авторомъ и самостоятельно. Довольно цѣннымъ дополненіемъ я считаю извлеченія изъ документа, помѣщенныя на стран. 129—132,—хотя эти извлеченія были бы болѣе умѣстны въ приложеніяхъ, нежели въ текстѣ изслѣдованія.

Но какъ бы ни были цѣнны привнесенныя авторомъ въ свое сочиненіе дополненія и исправленія, они не могутъ значительно ослабить тѣхъ существенныхъ недостатковъ въ ономъ, о которыхъ я пространно говорилъ выше. Это понятно безъ особенныхъ поясненій. Существенные дефекты въ сочиненіи г. Вишневскаго состоятъ въ несовершенствѣ его научныхъ пріемовъ, въ недостаточно критическомъ отношеніи къ матеріалу, собранному имъ для изслѣдованія, *отчего и происходятъ многія фактическія погрѣшности въ ономъ*. Слѣдовательно, автору,

при просмотрѣ и новой обработкѣ своего сочиненія, на эти коренныя причины, отъ которыхъ происходятъ погрѣшности въ его трудѣ, и должно было обратить преимущественное вниманіе. Между тѣмъ онъ (кромѣ нѣкоторыхъ дополненій) бо́льшею частію ограничивается только *частичными исправленіями ошибокъ*, главнымъ образомъ, мною ему въ прежней рецензіи указанныхъ. Разумѣется, хорошо и это. Хорошо поступитъ авторъ, если и продолжитъ подобныя исправленія согласно съ указаніями въ настоящемъ отзывѣ. Но этого мало. Этимъ сочиненіе автора отнюдь не очищается отъ возможныхъ въ немъ ошибокъ и промаховъ: ибо я вовсе не имѣлъ въ виду исправлять его диссертацію, тщательно разыскивая въ ней фактическія погрѣшности и разъясняя мѣста, возбуждающія тѣ или иныя сомнѣнія. Я указывалъ на нѣкоторыя погрѣшности въ сочиненіи въ видѣ примѣровъ для иллюстраціи научныхъ пріемовъ автора и его отношенія къ источникамъ и пособіямъ—не болѣе. Обязанность исправить сочиненіе, провѣрить его, очистить отъ ошибокъ и промаховъ (которыхъ, безъ сомнѣнія, окажется еще достаточное количество)—это прямая обязанность самого автора. На что при этомъ должно быть направлено преимущественное его вниманіе, видно изъ сказаннаго выше и распространяться относительно сего нѣтъ нужды. Впрочемъ, всемѣрно желая, чтобы сочиненіе г. Вишневскаго явилось въ свѣтъ въ видѣ возможно совершенномъ, я считаю нужнымъ указать еще на одинъ дефектъ въ его трудѣ (со стороны матеріальной), дефектъ весьма крупный, обязательно нуждающійся въ восполненіи. Мы имѣемъ въ виду *вторую* главу изслѣдованія автора, гдѣ онъ трактуетъ о средствахъ Академіи.

Говоря о сихъ средствахъ, г. Вишневскій исключительно имѣетъ въ виду небольшія денежныя и другія вспомоществованія, получаемыя отъ правительства и разныхъ лицъ *собственно Академіею*, и только въ двухъ-трехъ словахъ упоминаетъ о доходахъ *Кіево-Братскаго монастыря*.

Но извѣстно, что за разсматриваемое время матеріальное обезпеченіе Академіи, въ особенности академическихъ наставниковъ, находилось въ самой тѣсной и неразрывной связи съ экономическимъ положеніемъ означеннаго монастыря. Поэтому, говоря о средствахъ Академіи, игнорировать или почти игнорировать при этомъ средства братскія—значитъ насильственно разъединять тѣсно связанное и не дать надлежащаго представленія о трактуемомъ предметѣ, что у автора и замѣчается. Такъ, матеріальное (по его мнѣнію бѣдственное) положеніе академическихъ наставниковъ онъ рисуетъ такими чертами, которыя не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Этимъ замѣчаніемъ я и оканчиваю свой отзывъ о сочиненіи г. Вишневскаго. Такъ какъ это сочиненіе, при крупныхъ недостаткахъ, не лишено извѣстной, въ своемъ мѣстѣ мною указанной цѣнности, то рѣшеніе вопроса о присужденіи автору искомой имъ степени я всецѣло предоставляю усмотрѣнію Совѣта Академіи.

С. Голубевъ.

Изъ журнала „Труды Кіевск. дух. Академіи“, № 11 1900 г.
Кіевъ, типографія И. И. Горбунова, Крещатикъ, д. Дегтерева, № 38-й.